

Э. Б. Крылова

ПЕРЕСКАЗЫВАТЕЛЬНОСТЬ И СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Пересказывательность относится к значениям косвенной за-свидетельствованности, или эвиденциальности, под которой по-нимается указание на информационный источник того или иного утверждения говорящего. Эвиденциальные значения рассмат-риваются нами как разновидность эпистемических. Оценка говорящим достоверности высказывания и степень его ответственности за эту оценку перед слушающим зависят от наличия или отсутствия у говорящего информационного источника, на основе которого он строит пропозицию¹.

Под различными значениями эвиденциальности понимается ссы-лка на некий источник информации, возможно, недостовер-ный. Говорящий, не уверенный в такой информации, не принима-ет на себя полного «эпистемического ручательства»² и использует в связи с этим специальные средства. Возможная ненадежность, с точки зрения говорящего, такого источника информации может объясняться тем, что информация получена из вторых рук или в результате перцептивного, возможно, ошибочного, восприятия го-ворящим.

Средства выражения эвиденциальных значений называются эвиденциалами и служат «указателями, обозначающими нечто, касающееся источника информации, на основании которой строится пропозиция»³, они используются говорящим для оправдания перед слушающим передачи ему нефактической информации.

© Э. Б. Крылова, 2011

В зависимости от источника информации, на который указывает говорящий, Т. Виллет выделяет три основных типа эвиденциалов:

- прямое свидетельство (*attested evidence*), включающее указание на источник, доступный сенсорному восприятию говорящего, т. е. *сенсорную эвиденциальность*;
- косвенное свидетельство, включающее указание на источник передаваемой говорящим информации, т. е. *пересказывательность* (*reported evidence*);
- косвенное свидетельство, включающее указание на косвенные признаки, позволяющие говорящему восстановить имевшую место ситуацию, свидетелем которой он не был (*inferring evidence*) т. е. *инференцию*⁴.

Таким образом, чужая речь и перцептивное восприятие представляют собой основные эвиденциальные источники. Общим для обоих источников выступает то, что на основе этих косвенных факторов говорящий, не будучи непосредственным наблюдателем некоего события, строит пропозицию. К критериям, оправдывающим объединение этих разновидностей значения эвиденциальности, можно также отнести возможность засвидетельствования такого источника третьим лицом, что делает его частью реальной действительности. О целесообразности объединения сенсорного и пересказывательного эвиденциалов в разных языках свидетельствует и возможность использования одних и тех же языковых средств для выражения обеих разновидностей эвиденциальности⁵.

Неуверенность говорящего в достоверности пропозиции, строящейся им на основании чувственного восприятия, объясняется ненадежностью сенсорных наблюдений, а также возможной недостаточностью источников для достоверного знания. Неуверенность говорящего в достоверности некоей информации, полученной им с чужих слов, также понятна. Именно на этом типе эвиденциальных значений мы остановимся подробнее.

Как отмечает В. С. Храковский, отличительная особенность информации, полученной от других лиц, — то, что «это единственный вид эвиденциальной информации, в создании которой говорящий не принимает никакого участия»⁶. Следует, однако, заметить, что он участвует в субъективном оформлении этого вида информации, что мы попробуем продемонстрировать на материале датского языка.

Для передачи чужой речи в языке, как известно, существуют два канонических способа — прямой и косвенный. Между ними располагаются промежуточные построения, которые Н. Д. Арутюнова называет несобственно-прямой речью и трактует как недоосуществленные трансформации прямой речи в косвенную, т. е. совмещающую признаки той и другой⁷.

Итак, собственно чужая речь может быть передана как пересказывательность и цитация. Пересказывательность употребляется как синоним несобственно-прямой речи и предполагает не столько передачу чужих слов, сколько «чужого смысла»; при этом языковые маркеры пересказывательности не гарантируют подлинности первичного высказывания. Под цитацией понимается вхождение реплики собеседника в речь говорящего. Особый интерес при этом представляет диалогическая цитация, к которой Н. Д. Арутюнова относит «случаи использования реплик собеседника (или их фрагментов) в иных (обычно оппозиционных) целях»⁸.

В пересказывательности выделяются значения 1) «отчуждения», т. е. отмежевания от чужого высказывания; 2) сомнения говорящего в достоверности чужого высказывания; 3) предположения говорящего о его достоверности⁹. При выражении простого отчуждения говорящий обычно не демонстрирует своего субъективного отношения к пересказываемой информации. Выражение говорящим сомнения в достоверности передаваемой информации часто сопровождается удивлением, свидетельствующим о ее неожиданности для говорящего. Эта разновидность значений, выражаемых средствами пропозициональной установки говорящего, называется адмиративностью¹⁰.

Н. А. Козинцева определяет значение адмиративности как обнаружение очевидного в момент речи и противопоставляет его прямому свидетельству по признаку «подготовленность / неподготовленность восприятия»¹¹. Другие исследователи на материале самых разных языков отмечают тесную связь адмиративного значения со значением комментативности, или пересказывательности¹². Мы также склонны придерживаться более широкой трактовки значения адмиративности. Например, такой вопрос-реакция говорящего, как *Почему это я должен идти мыть посуду?*, свидетельствует о неожиданности для него такого требования. Значение удивления характерно и для высказываний, передающих

неожиданную для говорящего информацию, полученную из другого источника: *Представляешь, они, оказывается, братья!*

В пересказывательности в русском языке для передачи значения отчуждения Н. Д. Арутюнова выделяет специальные «ксенопоказатели», т. е. маркеры чужой речи, чужого мира, которыми выступают частицы *мол, де, дескать*. Сюда же можно отнести лексические средства, указывающие на источник информации и имеющие значение «авторизации»: *по сообщению ..., как стало известно из ...* и т. д.¹³ Для передачи значения сомнения в достоверности пересказываемой информации в русском языке используется модальная частица *якобы*.

Работы Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева по средствам выражения неуверенности говорящего в русском языке свидетельствуют о значительном сходстве последних со средствами выражения круга эвиденциальных значений в других языках. Наличие русских квазиассертивов *кажется, будто, вроде, говорят*, их значительная десемантизация и обязательность употребления в определенных контекстах указывают на определенную степень грамматикализации эвиденциальности в русском языке¹⁴.

Общему анализу категорий модальности, эвиденциальности и эпистемичности, а также средствам выражения эвиденциальных значений в датском языке отведены работы датского лингвиста К. Бойе. Считая, вслед за Ф. Палмером и Т. Виллетом, эвиденциальные значения разновидностью эпистемических, К. Бойе относит к средствам эвиденциальности в датском языке модальные слова *åbenbart* 'явно', *tilsyneladende* 'кажется', *antageligt* 'по-видимому'; глаголы сенсорного восприятия: *se, høre, føle, synes*; конструкцию *synes + at-infinitiv*, но дает им в своих работах только общую характеристику¹⁵. Специальных исследований по средствам пересказывательности в датском языке до сих пор не проводилось.

К эвиденциалам пересказывательности в датском языке помимо сложных предложений, мы относим:

- модальные слова *åbenbart* 'вроде', *angiveligt* 'будто (бы)', 'передают'; *efter sigende* 'говорят';
- грамматизованное устойчивое словосочетание модального глагола *skulle + inf. I, II* смыслового глагола 'говорят', 'вроде', 'по слухам';

- связочные квазипассивные конструкции с перформативными глаголами: siges 'говорят' / formodes 'предполагается' / ventes 'ожидается' + at-infinitiv и др.;
- лексические средства авторизации: ifølge, efter..., som ... siger 'согласно...', 'по словам...';
- модальную частицу vist 'кажется', 'вроде'.

Употребление говорящим этих языковых средств изменяет эпистемическую модальность содержания пропозиции, вводя ее как чужое высказывание. Их основную коммуникативную функцию выполняет выражение косвенной засвидетельствованности. В статье мы подробно остановимся на прагма-семантическом описании трех типов пересказывательных эвиденциалов: устойчивых грамматизованных словосочетаний skal / skulle + Infinitiv I, II, модальной частицы vist и связочных конструкций siges / formodes / ventes + at-infinitiv. На их примере мы попытаемся продемонстрировать единые для всех эпистемических средств принципы возможной систематизации.

I. *Грамматизованные устойчивые словосочетания skal / skulle + Infinitiv I, II*¹⁶ употребляются главным образом для отмежевания говорящего от чужого высказывания и снятия с себя ответственности за достоверность передаваемой с чужих слов информации. Это не позволяет определить отношение говорящего к содержанию высказывания. Сравним два сложных предложения, вводящие предикаты которых выражены одним и тем же глаголом *bebrejde* 'упрекать', но употребляются с двумя разными субъектами *vi* и *man*: *Vi forskere er begyndt at bebrejde os selv, at vi har været for tilbageholdende, da loven blev debatteret* 'Мы, ученые, стали упрекать самих себя за то, что были слишком пассивны, когда обсуждался этот закон'; *Det, man har bebrejdet os, er, at vi skulle love for meget mundtligt* 'Нас упрекают в том, что мы слишком много обещаем на словах'.

Во втором примере предикат придаточного предложения в отличие от первого выражен глагольным сочетанием *skulle love*, эксплицирующим эвиденциальное значение пересказывательности. Отмежевание говорящего от чужих оценок передается здесь глагольным сочетанием *skulle+Inf*. Источник информации при таком средстве пересказывательности может быть эксплицирован говорящим, а может и опускаться: *Der blev fundet rester af ca. 25 druk*

nede, men *ifølge de gamle rapporter* skal antallet af omkomne have været en del større 'Были найдены тела 25 утонувших, но, *согласно старым отчетам*, число погибших было несколько больше'.

Выбор говорящим именно этого пересказывательного эвиденциала — своего рода проявлением его «субъективного отношения к сообщению», в чем мы совершенно согласны с Н. А. Козинцевой, отмечающей, что «одним из семантических параметров высказывания, отражающих это отношение, является отсылка к источнику информации, передаваемой говорящим»¹⁷. На тесную связь авторизации и семантики достоверности / недостоверности указывает Т. В. Шмелева, отмечая, что «авторизационные показатели часто являются одновременно показателями отрицательной персуазивности»¹⁸.

То, что значение отмежевания говорящего от передаваемой информации — функционально-семантическая особенность употребления анализируемой конструкции, подтверждается тем, что она допускает возможность эксплицитного опровержения передаваемой информации как недостоверной не только каким-либо третьим лицом, но и самим говорящим: *Og så må jeg fuldstændig afvise, at jeg skulle have sagt usandheder her* 'И еще я *должен отместить* от себя все обвинения в том, что я якобы говорил здесь неправду'; *Han nægter, at han skulle have slået først* 'Он *отрицает то*, что нанес первый удар'.

Именно в силу своей семантики пересказывательный эвиденциал skal / skulle + Infinitiv I, II не может употребляться при передаче чужого высказывания, вводимого предикатом, подтверждающим достоверность пересказываемой информации: значение отмежевания говорящего от пересказываемой информации не допускает возможности такого подтверждения; ср.: *Han vil ikke benægte, at TV2 har gjort opmærksom på at man foretrækker et spilletidspunkt efter kl.18 lørdag aften* 'Он *не будет отрицать* того, что второй канал телевидения высказал пожелание назначить матч на субботу после 18 часов вечера'; **Jeg bekræfter, at jeg skulle have givet mine medarbejdere mundkurv på* '*Я *подтверждаю*, что будто бы надел намордники на моих сотрудников'; *HO: Til gengæld bekræfter han, at hans medarbejdere ikke må udtale sig om "ny viden"* 'Зато он *подтвердил*, что его сотрудникам нельзя разглашать "новые знания"'.

В случае употребления пересказывательного эвиденциала skal / skulle + Infinitiv I,II в структуре вопроса он может выражать значение сомнения говорящего в достоверности предшествующего высказывания собеседника. Такой вопрос-реакция представляет собой повтор, характеризующийся как «построенная по правилам разговорной речи, входящая в диалогическое единство и поэтому синтаксически несамостоятельная вторая реплика, имеющая в качестве своей основы элементы словесного состава первой реплики и подчиняющаяся ее форме»¹⁹. Автор датской полифонической теории в языке Х. Нельке называет эту разновидность цитации, т.е. цитирование собеседника, диафонией²⁰. В таком вопросе-реакции глагольная конструкция skulle + Inf. I,II, помимо выражения эпистемического значения сомнения, эксплицирует также адмиративное значение удивления от неожиданности услышанного. Все это позволило Л. М. Локштановой выделить конструкции skulle + Infinitiv в особое сомнительное наклонение — дубитатив²¹: I skabte den onde vilje da I sagde: menneskene kan ville det gode alene. Men hvor skulle menneskene kunne ville det gode alene når ikke engang Vorherre Jesus kunne? ‘Вы породили зло, утверждая, что люди могут желать только добра. Разве могут люди желать только добра, если даже Господь наш Иисус не мог?’

Как показывает анализ функционирования других эпистемических средств, именно их употребление в структуре вопроса — одно из характерных способов выражения значения сомнения в датском языке²².

Таким образом, выражаемое эвиденциалом значение skal / skulle + Infinitiv I,II отмежевания говорящего от пересказываемой информации допускает возможность как ее опровержения, так и выражения сомнения в ее достоверности, но не допускает возможности ее подтверждения говорящим.

Главная цель использования говорящим skulle + Infinitiv I,II — передача чужой информации адресату без имплицитно выраженной собственной оценки ее достоверности. Используя эту конструкцию, говорящий сигнализирует слушающему наличие некоего третьего лица, который может дать такую оценку. Именно этим объясняется предпочтительное использование этого эвиденциала в сообщениях средств массовой информации: Rapperne Nik & Jay

nægter, at de *skulle have smadret* Nykøbing Falster i utilfredshed med, at de kun fik udleveret to flasker gratis spiritus under deres optræden på diskoteket. «Det passer ikke», *skal* Nik *have sagt*, og Jay *skal have tilføjet* 'Реп-музыканты Ник и Джей отрицают, *будто бы они разбили* вдребезги Нюкёбинг Фальстер из-за того, что им выдали только две бесплатные бутылки спиртного во время выступления в дискотеке. «Это не так» — *будто бы* сказал Ник, а Джей *будто бы добавил*'.

II. К пересказывательным эвиденциалам можно отнести и модальную частицу *vist*, одно из эвиденциальных значений которой — припоминание говорящего о сказанном кем-то другим. Сравнительный анализ функциональной семантики *vist* и *skulle* + Infinitiv I,II позволяет определить специфику каждого из них; ср.: Ifølge bladet *skulle* en anonym håndværker *have fortalt*, at partilederen i september 2007 havde fået udført sortarbejde for 80000 kr 'Как сообщила газета, анонимный рабочий (*будто бы*) рассказал, что в сентябре 2007 года для этого партийного лидера были выполнены частные ремонтные работы на сумму 80 000 крон' Der *skulle vist ske* en masse af en eller anden art i morgen... 'Завтра, вроде, должно было произойти много всякого такого...'; Han *underviste vist* i Esbjerg 'Кажется, он преподавал в Эсбьерге'.

Если эвиденциальная конструкция *skulle* + Infinitiv I, II эксплицирует значение отчуждения говорящего от передаваемой информации, полученной им часто из конкретного источника в реальной ситуации: *я узнал, что ..., но я сам этого не знаю/не видел, поэтому передаю, как слышал*, то *vist* вносит в высказывание значение неуверенного припоминания говорящим некогда слышанного им самим: *кто-то мне когда-то говорил, что ..., но я точно не помню/ не уверен/ могу ошибаться*²³. При этом говорящий верит в достоверность припоминаемого.

Модальная частица *vist* употребляется преимущественно в разговорной речи датчан, а также в тех случаях, когда возможна экспликация собственного «Я» говорящего, передающего слышанную им самим информацию и поэтому несущего в определенной степени ответственность за нее. Вводимую *vist* информацию сам говорящий не может опровергнуть, но, очевидно, может подтвердить, если вспомнит.

III. Основная прагматическая функция *связочных конструкций с квазипассивными глаголами siges / formodes / ventes / frygtes + at-infinitiv* 'говорят', 'говорится' / 'предполагают', 'предполагается' / 'ожидают', 'ожидается' / 'опасаются' — выражение неуверенности говорящего в достоверности содержания пропозиции по причине косвенной засвидетельствованности. Так же, как и для конструкций с перформативными глаголами *считается, называется, зовется, расценивается, кажется, представляется* в русском языке²⁴, для датской конструкции характерна полная невозстановимость агенса перформативного глагола. Однако в отличие от сочетания *skulle + Infinitiv I,II* говорящий, используя конструкции с перформативными глаголами, предлагает слушающему существующую на данный момент предположительную оценку сложившейся ситуации, и разделяет ее с другими. Неопределенность источника информации, невозможность проверки ее истинности из-за отнесенности пересказываемой информации к прошлому или будущему объясняет необходимость эксплицитного выражения ее нефактивности. Именно этой особенностью рассматриваемых эвиденциалов можно объяснить то, что они, как и глагольные сочетания *skulle + Infinitiv I,II* чаще всего встречаются в сообщениях средств массовой информации: *Den tidligere præsidents sikkerhedstjeneste formodes at have bestået af 45 000 mand* 'Предполагается, что служба безопасности бывшего президента состояла из 45 000 человек'; *Debatten i Kongressen om præsidentens forslag ventes at dreje sig om den politiske snarere end den økonomiske side af sagen* 'Ожидается, что дебаты в Конгрессе по предложению президента будут касаться скорее политической, нежели экономической стороны дела'.

Таким образом, в отличие от модальной частицы *vist*, выражающей собственную неуверенность говорящего в точности припоминаемого, но берущего на себя ответственность за это, связочные конструкции *siges / formodes / ventes / frygtes + at-infinitiv* вводят информацию, истинность которой сам говорящий не может ни подтвердить, ни опровергнуть. За предположением о возможной достоверности такой информации стоит некое множество лиц. Такое «обобщенное множество лиц, не названных, но подразумеваемых грамматической структурой предложения с глаголами речи или мысли в пассиве»²⁵ имплицитно выражается говорящим как источник

пересказываемой гипотетической оценки сложившейся ситуации, к которому он, однако, не может, отослать слушающего. В связи с этим говорящий предлагает тому самому решить, доверять ей или нет. Гипотетичность существующей оценки сложившейся ситуации не позволяет говорящему подвергнуть ее сомнению или опровергнуть. Он не может также высказать при этом свое удивление и переспросить: *Siges det, at ...?

Таким образом, различие между пересказывательными эвиденциалами *vist*, связочными глагольными конструкциями *siges / formodes / ventes / frygtes + at-infinitiv* и грамматизованным устойчивым сочетанием *skulle + Infinitiv I,II* заключается в следующем.

- Модальная частица *vist* — это пересказывательный эвиденциал 1-го лица, так как выражает неуверенное припоминание говорящего о некогда полученной информации, в достоверность которой он сам верит. Степень ответственности говорящего за достоверность передаваемой информации определяется, однако, мерой ответственности за припоминаемое.
- Конструкции с перформативными глаголами *siges / formodes / ventes + at-infinitiv* 'говорят' / 'предполагается' / 'ожидается' могут быть отнесены к пересказывательным эвиденциалам 2-го лица, так как, используя их, говорящий предлагает слушающему принять существующую на данный момент гипотетическую оценку сложившейся ситуации, не беря при этом на себя ответственности за ее истинность.
- Модальное сочетание *skulle + Infinitiv I/II* — пересказывательный эвиденциал 3-го лица, так как выражает значение отчуждения говорящего от пересказываемой информации, снятия с себя ответственности за ее достоверность и перекладывание ее на существующий в действительности источник пересказываемого.

Результаты проведенного анализа средств пересказывательности в датском языке подтверждают своеобразный закон эпистемического ручательства, проиллюстрированный нами ранее на материале других эпистемических средств²⁶: «Если говорящий не берет на себя ответственность за достоверность пропозиции и не отсылает к третьему лицу, способному взять ее на себя, то он предлагает сделать это слушающему»²⁷.

¹ Принадлежность эвиденциальных значений к особому типу эпистемической модальности была убедительно доказана в работе: *Palmer Frank R. Mood and Modality*. Cambridge, 1986.

² Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992. С. 135.

³ *Anderson Lloyd B. Evidentials, Paths of Change, and Mental Maps: Typologically Regular Assymetries* 1986. P. 274.

⁴ *Willet T. A. Gross-Linguistic Survey of the Grammaticization of Evidentiality // Studies in Language*. 1988. Vol. 12, No 1. S. 51–97.

⁵ О средствах выражения неуверенности в русском языке см.: Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Человеческий фактор в языке... С. 135; в датском: Крылова Э. Б. Прагматическая семантика и коммуникативные функции модальных частиц *nok, vel* и *vist* в датском языке: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2004.

⁶ Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. статей памяти Н. А. Козинцевой. СПб., 2007. С. 600–632.

⁷ Арутюнова Н. Д. Коммуникация (главы 1–3) // Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992. С. 42.

⁸ Там же. С. 63.

⁹ Отин Е. С. О субъективных формах передачи чужой речи // Русский язык в школе. 1966. № 1. С. 35.

¹⁰ О морфологических средствах выражения адмиративности см.: Сытов А. П. Категория адмиратива в албанском языке и ее балканские соответствия // Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л., 1992. С. 90–124; Шанова З. К. Глагольные формы для пересказывания в македонском литературном языке // Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л., 1992. С. 125–133.

¹¹ Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.

¹² Сытов А. П. Категория адмиратива...; Шанова З. К. Глагольные формы для пересказывания...

¹³ Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973; Шмелева Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984. С. 78–100.

¹⁴ Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Человеческий фактор в языке. С. 135.

¹⁵ *Boye Kasper*. 1) *Den danske infinitivneksus — distribution, funktion og diakroni // Danske studier*. København, 2000; 2) *Evidence for Evidentiality in Danish // Reflektions on Modality*. Copenhagen, 2001. P. 81–127. (Copenhagen Studies in Language. 26.)

¹⁶ О грамматизованных устойчивых словосочетаниях в немецком языке см.: Москальская О. И. Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью // Вопросы языкознания. 1961. № 5. С. 87–93.

¹⁷ Козинцева Н. А. К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке. Косвенный источник информации // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб., 2000. С. 40.

¹⁸ Шмелева Т. В. Смысловая организация предложения... С. 92.

¹⁹ Шведова Н. Д. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 2003. С. 283.

²⁰ Nølle H. Polyfoni. En sprogteoretisk indføring. København, 1989. S. 26 (ARK. 48).

²¹ Докштанова Л. М. О структуре грамматической категории наклонения в датском языке // Вопросы языкознания. 1983. № 5. С. 65–78.

²² Крылова Э. Б. Коммуникативная семантика датских вопросительных предложений // Скандинавская филология (Scandinavica). СПб., 2004. Вып. 7. С. 65–79.

²³ Jacobsen H. G. Vist og nok. Om et par formodningsord i dansk // Mål og Mæle. 1992. No 2/15. S. 14.

²⁴ Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка.

²⁵ Козинцева Н. А. Косвенный источник информации в высказывании (на материале русского языка) // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. С. 88.

²⁶ Крылова Э. Б. Статус модальных частиц датского языка и порядок их следования в предложении // Скандинавская филология (Scandinavica). СПб., 2009. Вып. 10. С. 112–122.

²⁷ Nølle H. Polyfoni.

Elvira Krylova

EVIDENTIALITY AND MEANS OF ITS EXPRESSION IN DANISH

The article looks at the means of expressing evidential meanings in Danish, which belong to the area of epistemic modality. Reproducing other person's words the speaker can distance himself from the reproduced information, be doubtful about its authenticity or believe in its truthfulness. A comparative analysis of evidential means in Danish makes it possible to elicit various degrees of the speaker's epistemic guarantee of the rendered information as well as to specify typical contexts of its use.